

слышалъ, и то, что онъ вообразилъ, всегда соединяется въ одну сплошную правду; его фантазія совершенно совпадаетъ съ объективной дѣйствительностью.

Въ „Хаджи-Муратъ“ — восточный колоритъ, эпическая простота сжатыхъ рѣчей, сочетаніе не только войны и мира, но и войны и религіи. Изъ фактовъ и воображенія сотканная единая правда опять переноситъ насъ, въ этой повѣсти, туда, гдѣ мы уже были съ Толстымъ въ его дивныхъ „Казакахъ“, — туда, гдѣ „прелестными, вѣчно играющими“ алмазами тянется „матовая цѣпь снѣговыхъ горъ, какъ всегда старающихся притвориться облаками“, гдѣ царитъ опасность, гдѣ звуковымъ фономъ для пѣсни служить равномерный топотъ солдатскихъ ногъ и позвякиваніе орудій. Опять — „рубка лѣса“, набѣги и вся та атмосфера сраженій, которой мы дышали хотя бы въ Севастопольскихъ разсказахъ. Опять — „красивые звуки выстрѣловъ, веселый посвистъ пуль, грузно-громкіе выстрѣлы солдатскихъ ружей“, — языкъ Беллоны. Вернулись горцы, и Толстой прежними, сохранившимися глазами офицера и наѣздника любитъ на „тотъ особенный, единственный видъ, съ которымъ горець сидитъ на лошади“; и такъ онъ понимаетъ презрѣніе, съ какимъ Хаджи-Муратъ, повитый боями, прирожденный воинъ, смотритъ на представителя мира, на мирнаго, слишкомъ мирнаго чиновника, статскаго совѣтника Кириллова, „маленькаго, толстаго человѣка